

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЫСОТНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ПОСТРОЕК В АРХЕОЛОГИИ (МЕТОДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ)

Рассматриваются методические основания создания объемных моделей архитектурно-археологических памятников. В исторической реальности фундамент, большие размеры, внутренние перегородки не являлись обязательными признаками этажности деревянного здания. Анализ показывает, что основанием для создания объемно-планировочных моделей руинированных объектов служат: 1) признаки, изначально присущие постройкам повышенной этажности – высокие крыльца, лестницы, столбы-опоры галерей и балконов, 2) сохранность в ископаемом виде этих атрибутов высотности.

Ключевые слова: деревянная архитектура; критерии этажности; методика реконструкции по археологическим данным.

Воссоздание облика ископаемых архитектурных объектов давно вошло в практику исследовательской работы археологов. Реконструкция, в которой отражены и горизонтальные и вертикальные параметры, даёт цельное представление о постройке. Вместе с тем создание такой объемной архитектурной модели по археологическим данным в силу их специфики всегда сложнее, но не всегда возможно. В статье рассматриваются методические основания объемных архитектурно-археологических реконструкций на примере высотных деревянных построек в русском зодчестве.

Существование в средневековой Руси высотной деревянной застройки, распространившейся в XVI–XVII вв. в Сибири, является историческим фактом, многократно описанным и проиллюстрированным. Однако когда археолог обращается к объемно-планировочной реконструкции раскопанного объекта, ему необходимо опираться на конкретные показатели высотности постройки. Сложности установления количества ярусов здания обусловлены не только тем, что в земле остаются лишь нижние части сооружения, степенью руинированности археологизированного объекта, но и тем, какие конструктивные детали изначально были атрибутами высокой постройки. В своё время П.И. Засурцев констатировал, что даже в условиях Новгорода нет бесспорных археологически уловимых признаков для определения этажности построек. Среди них им названы усложнённые фундаменты¹, большие размеры строений, наличие врубленных перегородок и крылец [1. С. 11, 67, 68, 163].

В русском домостроительстве от древности до этнографической современности деревянные сооружения ставились и прямо на землю, и на фундаменты в виде «лежаков»-подкладок из обрезков брёвен, столбов-«стульев», камней, плит, глиняного «набоя» по периметру дома и проч. При этом двухэтажный дом могли поставить «на пошву», а под одноэтажный подвести фундамент. Точка зрения Г.Г. Громова [2], связывающая наличие фундамента с высотой деревянного здания, противоречит общераспространённой практике. Как справедливо заметил П.И. Засурцев, для деревянных построек, даже имеющих несколько этажей, нет прямой необходимости в подведении фундамента как элемента, воспринимающего нагрузку стен и передающего её на грунт, ведь тяжесть деревянных стен по сравнению с каменными невелика [1. С. 12]². С ним согласился Ю.П. Спегальский: за исключением особых случаев устройство фундаментов не считалось обяза-

тельным, поставленные на почву здания, даже очень высокие, веками устойчиво сохраняли первоначальное положение [7. С. 162]. Подтверждением служат многие не имевшие фундаментов новгородские постройки больших размеров и не менее, чем в два этажа, башни Братского [1. С. 12–13] и Алазейского [8. С. 23] острогов, постройки на высоком подклете XVII–XVIII вв. в Прикамье [9. С. 122], почти все мангазейские постройки [10. С. 12], жилища Пскова XI–XIV вв., наличие подкладок под стенами которых само по себе ещё не свидетельствует об этажности [11. С. 5–6].

Подведение фундамента под деревянное строение обуславливалось прежде всего рельефом (нивелировка неровности участка под застройку) и качеством грунта (его плотностью и влажностью). Для предотвращения осадки сруба в мягкий или рыхлый грунт приходилось подводить фундамент. С целью изоляции сооружения от сырости и застаивавшихся поверхностных вод сруб приподнимали над землёй с помощью «лежаков», «сто-яков», фундаментных площадок. Такой приём был универсальным и использовался в Новгороде и Пскове в X–XV вв. [1. С. 12–17; 11. С. 6], в Перми в XVIII–XIX вв. [12. С. 80–81], в западносибирской деревне на рубеже XIX–XX вв. [13. С. 64, рис. 98]. Таким образом, наличие фундамента является весьма условным признаком этажности деревянного здания³ не потому, что остатки фундаментов сложно обнаружить археологически, а в силу того, что изначально их ведущими функциями были нивелировочная и предохранительно-изоляционная.

Большие размеры и наличие внутренних перегородок в качестве критериев высотности должны рассматриваться совместно. Перегородки, врубленные в несущие стены на всю высоту постройки или только на часть высоты, также воспринимали на себя несущую функцию и увеличивали жёсткость конструкции, что важно для крупногабаритных зданий, особенно если они имели несколько ярусов. П.И. Засурцев напрямую связывал размеры построек с особенностями их устройства. По его наблюдениям, все новгородские постройки наиболее значительных размеров (площадью свыше 50–60 м²) имели именно рубленые сени. Отметил он также жилой дом, разделённый внутренними перегородками на три камеры, который, с его точки зрения, несомненно был двух-, а возможно, и трёхэтажным [1. С. 54, 67]. Справедливая мысль И.В. Маковецкого по поводу пятистенка: о конструктивной целесообразности капитальной жёсткой стенки,

делящей сруб на две части [14. С. 36], представляется нам тем более актуальной для дома-шестистенка (тройной связи с рублеными сенями). Разумеется, в двухэтажной связи врубка дополнительных несущих стен также была оправдана как элемент, повышающий прочность здания.

Но при всей конструктивной рациональности использование врубленных перегородок не было ни единственно возможным, ни обязательным приёмом возведения больших высотных построек. Двухэтажная связь значительной площади могла иметь смешанную конструкцию со срубными избой и клетью, но столбовыми сенями, а шестистенок с рублеными сенями, большой по габаритам, – не превышать одного этажа. В то же время бытовали средние постройки «о двух жилах» или поставленные на подклет.

Следует учесть, что в двухэтажной связи могли сочетаться разные строительные приёмы: столбовое подсенье и срубные сени, т.е. дополнительные капитальные стены в виде врубленных перегородок шли только по второму этажу. Такой вариант устройства выявить по археологическим остаткам очень сложно, хотя, как считают исследователи Мангазеи, возможно [10. С. 14].

Следующим признаком, указывающим на то, что здание имело как минимум два этажа, является наличие крыльца, наружных и / или внутренних лестниц. Подчеркнём, что подразумевается высокое крыльцо, поскольку низкие крылечки пристраивались и к поземным постройкам, и к первым этажам многоярусных домов. На археологизированных объектах факт существования высокого крыльца не всегда очевиден и доказуем. Крыльцо на *консолях* выявить при раскопках практически невозможно, поскольку опора крыльца покоится не на земле, а встроена в несущую стену здания. Для интерпретации *рубленого* крыльца в качестве двухъярусного необходимо, чтобы сруб сохранился до уровня верхнего рундука, это маловероятно, учитывая, что при сносе старой застройки разбиралось всё, что находилось выше выросшего культурного слоя. *Столбовое* крыльцо с высоким помостом зафиксировать не менее сложно. Столбовые постройки часто уничтожались без следа, заполнение столбовых ям могло не отличаться или почти не отличаться от окружающего слоя, как это было в Новгороде. Подытоживая свои наблюдения, П.И. Засурцев заключил: крыльцо со значительно приподнятой над землёй площадкой и навесом, опиравшимся на столбы или колонны, прослеживается в раскопе лишь в исключительных случаях [1. С. 22, 44]. Такое крыльцо, обнаруженное в одном из богатых новгородских домов XII в., имело оригинальную сложную конструкцию из горизонтальных лежней и мощных высоких столбов, поддерживавших верхний рундук крыльца [4. С. 285, 287].

Удачным примером можно было бы назвать раскопки мастерской кожевенника XVII в. в Чебоксарах, имевшей, по мнению археологов, высокий подклет, на второй этаж мастерской вело крыльцо на трёх столбах [15. С. 51, 53, рис. 19]. Однако предложенная интерпретация вызывает сомнение. Авторы отнесли кожевенную мастерскую и ещё одну жилую чебоксарскую постройку [15. С. 50–51, рис. 6] к двухэтажным на основании фундаментных подкладок под их стенами. Как

уже было сказано выше, фундамент-опора не являлся обязательным элементом деревянных сооружений, что характерно и для большинства средневековых построек Чебоксар [15. С. 26]. Подкладки служили здесь скорее для выравнивания площадки, поэтому «лежаки» были подложены не под каждой стеной. Кстати, не подведены подкладки и под ту стену мастерской, где стояло крыльцо. Не свидетельствуют в пользу повышенной этажности и стандартные размеры построек с длиной стен 5–6 м. В том случае, когда подкладки играли нивелирующую роль и мастерская была одноэтажной, столбы под крыльцо были невысокими и доходили до уровня пола.

Рассмотренный пример, который допускает неоднозначное толкование высотности постройки по археологическим остаткам, показывает, что такой очевидный признак ярусности сооружения, как высокое крыльцо, ведущее на верхний этаж, в ископаемом виде часто теряет свою бесспорность. Для того чтобы утверждать, что крыльцо имело верхний рундук, археологу необходимо иметь в распоряжении детали, определённо указывающие на это. Такие детали могут быть связаны с особенностями конструкции крыльца, как, например, парадного крыльца воеводского дома в Томске, о чём будет сказано ниже.

Итак, анализ показал, что фундамент, большие размеры, внутренние перегородки не являются обязательными атрибутами высоких зданий. Все эти элементы вместе с высоким крыльцом в плане археологической «уловимости» не могут служить безусловными критериями для определения этажности построек.

Отсутствие чётких однозначных признаков вертикального членения археологизированных сооружений лежит в основе разногласия в оценке мангазейских построек. М.И. Белов, В.Ф. Старков объединили их в большой двухэтажный дом из трёх камер (изба, сени и дощатый амбар), в котором жил таможенный голова [16. С. 18, 70–72]. Современные исследователи Мангазеи считают эти постройки разновременными и сомневаются в трактовке их социальной принадлежности, во всяком случае одной из них, потому что во всех постройках найдено большое количество предметов, связанных с сапожным делом и рыболовством, чем вряд ли занимались важные чиновники⁴. Раскопанные дома рассматриваются как одноэтажные на том основании, что не обнаружено остатков крыльца и лестниц [17. С. 37; 18. С. 22, 23; 19. С. 41, 43, 46–48, 59]. Об уязвимости этого археологического аргумента сказано уже достаточно. Второе соображение в пользу одного этажа – наличие завалинки вокруг мангазейских построек. При этом авторы раскопок [19. С. 59] ссылаются на М.Г. Рабиновича, который писал, что дома без подклета (= поземные избы) зачастую утеплялись земляными завалинками, укрепленными деревянными обвязками, прослеженными археологически [20. С. 164, 183, 215]⁵. Завалины сооружались для утепления и / или влагоизоляции вокруг построек разного назначения, не только жилых. Они никак не связаны с ярусностью здания, завалинки имеют и одно- и двухэтажные дома, что можно наблюдать и сегодня.

Против высотности, казалось бы, свидетельствует то обстоятельство, что амбар сделан из кочевых досок

и фрагментов кия, поэтому не мог выдержать нагрузки второго этажа, так как дощатый сруб очень непрочная конструкция [18. С. 22; 19. С. 59]. Однако это суждение опровергают мангазейские государственные люди – стрелецкий сотник «Олексий Шафран с товарищи», которые в 1639 г. составили описание воеводского двора в посадской части Мангазеи. В нём, в частности, сообщается: «Роспись пустому (т.е. нежилому. – М.Ч.) двору и дворовым хоромам: Горница ветчатая на подклете... Да противу горницы... анбаришко, ис кочевых досок сделан. А меж анбаришком и горницы сенишка дощатые ж. Да на сенишках чердачишко, перегородено надвое, все ветчано⁶...»

[23. С. 142–143]. Как видим, на «дощатых сенишках» надстроили второй этаж – «чердачишко», о конструктивных особенностях которого, кроме упоминания о внутренней перегородке, ничего не говорится⁷.

При оценке строительного потенциала Мангазеи, безусловно, нужно учитывать действие природного и исторического факторов: недостаток качественного леса, дороговизна лесосплава, дефицит гужевого транспорта, что затрудняло возведение здесь больших и высоких домов [18. С. 23; 19. С. 59–60]. Но эти обстоятельства не являются прямым доказательством того, что все раскопанные постройки, о которых шла речь, были одноэтажными.

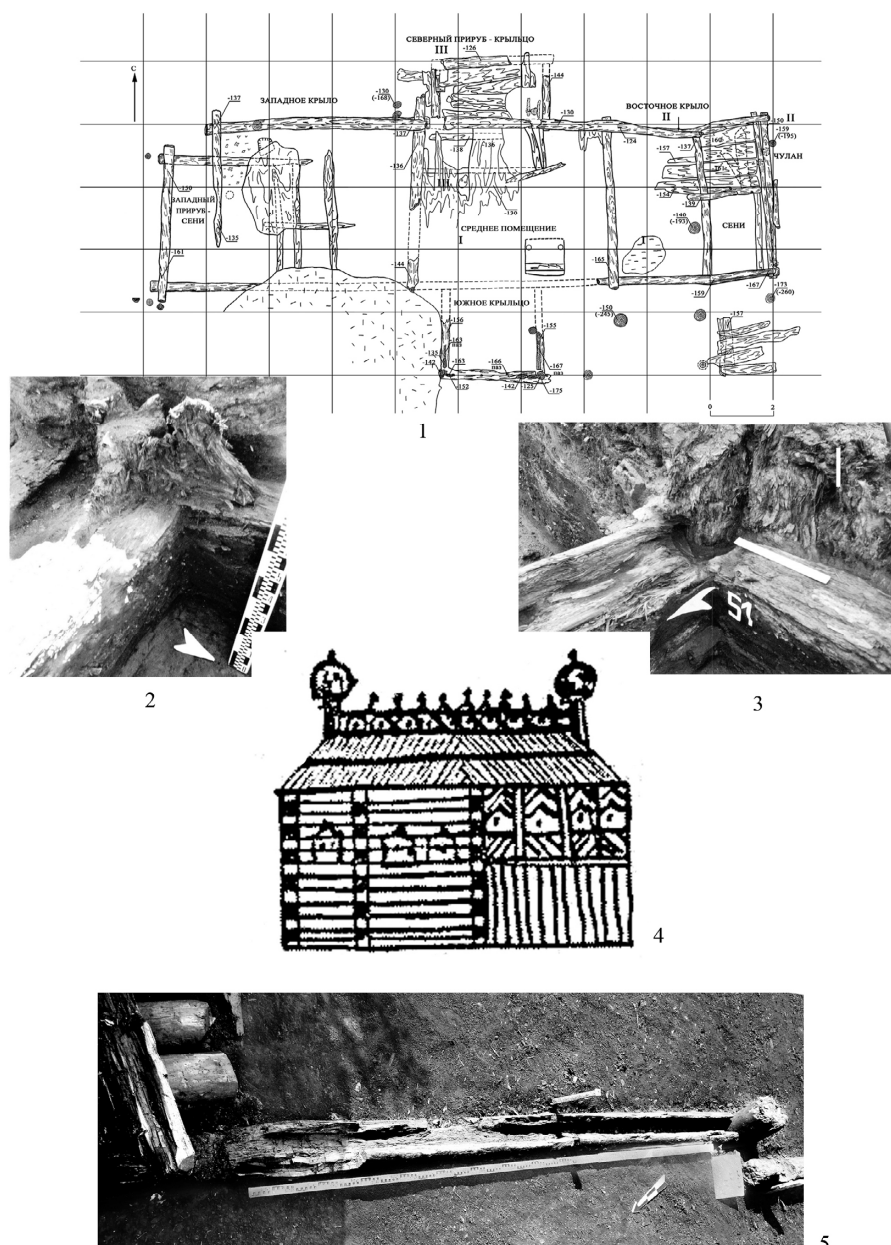

Рис. 1. Конструктивно-архитектурные элементы высотной застройки: 1 – план шестистенного дома-связи на томском воеводском дворе; 2 – деталь южного крыльца (юго-западный угол) воеводского дома-связи в Томске: сочленение бревна-стойки с горизонтальными брёвнами-обвязками, в пазы которых вставлены вертикальные закладки-доски (снято с северо-востока, фото автора); 3 – деталь южного крыльца (юго-восточный угол) дома-связи на томском воеводском дворе: сочленение бревна-стойки с горизонтальными брёвнами-обвязками, в пазы которых вставлены вертикальные закладки-доски (снято с северо-запада, фото автора); 4 – фасад небольших хором на дороге в д. Максимку [28. С. 96]: сени на подсенье, выполненном в технике вертикальной забирки; 5 – горизонтальное бревно-опора с пазом для вертикальной забирки (раскопки средневековой Тары, снято с северо-запада, фото автора)

Попытаемся определить этажность главного здания на дворе томских воевод второй половины XVII – середины XVIII в. – дома-шестистенка, «примерив» к нему перечисленные признаки. Дом имел большие размеры (17×5 м), две дополнительные капитальные стены, делящие общий объём дома на три помещения, фундаментные столбы-стулья под окладным венцом (рис. 1, 1). Стулья были подведены не под все углы и без соблюдения определённого расстояния между ними по периметру сруба. Отсутствие чёткой системы в расположении столбов, которая обеспечивала бы равномерное распределение тяжести стен на грунт, указывает скорее на нивелировочную, а не на опорную функцию столбов, хотя её тоже нельзя исключить. Этот дом, построенный позднее других раскопанных на усадьбе объектов, стоял на слое коричневой супеси мощностью 15–50 см. Большое количество щепы и бересты в слое делало его рыхлым, что требовало подведения дополнительных фундаментных опор под стены. Видимо, столбы под домом выполняли двойную нивелировочно-опорную функцию. Однако это не является прямым подтверждением двухэтажности томского дома-связи. Под другими усадебными постройками в этой же усадьбе столбов-стульев не обнаружено, а для выравнивания строительной площадки подсыпали песок.

Прямым показателем наличия второго этажа у главного на томской усадьбе дома-связи является парадное крыльцо с южной стороны. Его нижняя часть имела глухие стены из вертикально поставленных плах, закреплённых по низу и верху горизонтальными брёвнами-обвязками, в каждом из которых выбран продольный паз. В пазы вставлялись вертикальные закладки из широких толстых досок или плах, образовавших стены (рис. 1, 2, 3). Это вертикальный забор или вертикальная забирка. Конструкцию совершенно аналогичную томской имела постройка рубежа XIV–XV вв. в Новгороде, которую П.И. Засурцев счёл не совсем обычной [26. С. 264]. Вертикальная закладка стен с закреплением досок в продольных пазах нижнего и верхнего брусьев неоднократно была встречена при раскопках средневекового Витебска в слое конца XIII – XVI в. [27. С. 19–20]. Употреблялась техника вертикальной заборки и в Мангазее [10. С. 14, табл. 2/3; 16. С. 20]. В ходе раскопок автора в Таре⁸ зафиксировано бревно с горизонтальным пазом, служившее опорой стены, составленной из вертикальных плах (рис. 1, 5). Увидеть, как выглядели постройки, выполненные в подобной технике, можно на рисунке-плане XVII в., где изображены нарядно изукрашенные хоромы на высоком подклете, подсенье которых сделано в вертикальный забор [28. С. 95, рис. 21] (рис. 1, 4).

Конструктивные особенности определённо указывают на то, что крыльцо было высоким за счёт устройства его нижней части, выполненной в технике вертикальной заборки. Верхний помост-рундук находился на уровне второго этажа. Видимо, томский пример – один из тех исключительных случаев, о которых говорил П.И. Засурцев, когда ископаемые остатки доказывают

высотность объекта. Столбы-опоры для лестницы, ведущей на верхний рундук крыльца, и для галереи-гульбища на втором этаже также служат важным доводом, свидетельствующим о двухэтажности томского дома-связи. Вместе с ведущим критерием определения этажности здания – высоким крыльцом с лестницей и галереей – фундаментные столбы, большие размеры дома, врубленные перегородки, не являющиеся самостоятельными признаками высотности, приобретают значение дополнительного аргумента в пользу двухъярусности дома воеводы. Для остальных усадебных построек на томском воеводском дворе однозначные археологические показатели их этажности отсутствуют.

Анализ показывает, что реконструкции высотных построек по археологическим данным принципиально возможны и методически обоснованы. Основанием для создания объёмно-планировочных моделей руинированных объектов служат: 1) признаки, изначально присущие постройкам повышенной этажности – высокие крыльцо, лестница, столбы-опоры галерей и балконов, 2) сохранность в ископаемом виде этих атрибутов высотности, к которым можно добавить упавшие сверху печи. Однако, как справедливо рассуждает В.Ю. Коваль, большой объём печного материала и компактность его размещения в археологической постройке могут иметь неоднозначную интерпретацию, и вывод о том, что это остатки рухнувшей сверху печи, требует серьёзных доказательств [29. С. 84–86]. Думается, что присутствие печи на верхнем ярусе, как и его внутреннее убранство в целом, изначально не является самостоятельным признаком повышенной этажности дома. Поэтому Ю.В. Коваль прав в своём заключении: «...наличие печины в заполнении котлована постройки далеко не всегда может быть критерием для “двухэтажных” конструкций. Даже напротив, как правило, оно таким критерием не является» [Там же. С. 98].

Уязвимость археологических аргументов, обусловленная степенью разрушения объектов и конструктивными особенностями высотных показателей, ограничивает возможности реконструкции: не каждая постройка поддаётся восстановлению в полном объёме. Большие размеры сооружения, врубленные перегородки, фундаменты, как и уровень достатка, социальный, должностной статус владельца, не могут служить непосредственным доказательством повышенной этажности, хотя обязательно должны учитываться в качестве важных дополнительных доводов.

Археологу не следует ограничиваться лишь вскрытием и описанием руин – нужно стремиться восстановить облик разрушенного сооружения в возможно полном объёме. Облик постройки формируется единством конструктивно-технических приёмов, архитектурно-композиционной формы, функционально-идейного содержания. Это единство должно находить отражение в целостной модели, создание которой является целью и придаёт смысл археологическому исследованию архитектурного памятника [30. С. 42, 76; 31. С. 47–60].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По этому поводу П.И. Засурцев сделал существенную оговорку: наиболее сложные фундаменты прослеживались только в слоях XI–XII вв., в более позднее время фундаменты свелись к нескольким подкладкам, уложенным в местах со слабым грунтом [1. С. 163; курсив мой. – М.Ч.].

Современная исследовательница строительной культуры древнего Новгорода Н.Н. Фараджева [3. С. 404] связывает подведение усложнённых фундаментных площадок в виде специальных подсыпок, ограниченных бревенчатыми обвязками, не с повышенной этажностью домов, а со стремлением обеспечить теплоизоляцию жилых помещений.

² Изучавший хоромное зодчество Новгорода Г.В. Борисевич констатировал, что многие постройки, даже больших размеров, не имели никаких фундаментных подкладок, тогда как некоторые более мелкие срубы имели подкладки или отмостки под окладным венцом. В данном случае, по его мнению, подкладки несомненно свидетельствуют о развитии сооружений в высоту, о строительстве на подклете и даже о возможном существовании третьего этажа [4. С. 274]. Как видим, у Г.В. Борисевича и П.И. Засурцева разные точки зрения относительно необходимости подведения фундамента-опоры под дома повышенной этажности. Для А.С. Хорошева, проводившего раскопки на Неревском конце Новгорода, наличие фундаментных подкладок также является основанием для предположения о двухэтажности дома-пятистенка, хотя подкладки положены только под две его стены. Подведение такого же фундамента (правда, с меньшим числом подкладок) под стены рядом расположенной однокамерной постройки А.С. Хорошев не рассматривает в качестве признака её двухъярусности [5. С. 247–248]. В фундаментальном издании по Древней Руси в главе, обобщающей археологические данные по жилищу IX–XIV вв., Г.В. Борисевич уже не связывает напрямую наличие подкладок с повышенной этажностью, признавая, что многие новгородские постройки больших размеров, возможно, развитые в высоту, поставлены просто на грунт, а подведение подкладок под основную стену или угол делалось для выравнивания нижнего венца и придания ему устойчивости в пониженной части рельефа [6. С. 148].

³ Видимо, поэтому в фундаментальном издании по Древней Руси в главе, обобщающей археологические данные по жилищу IX–XIV вв., фундамент исключён из перечня прямых свидетельств наличия второго и третьего этажа, среди которых названы упавшие сверху печи, лестницы, колонны, галереи [6. С. 143]. Добавлю, что в виде археологических остатков эти признаки высотности не всегда сохраняются и однозначно интерпретируются в данном качестве.

⁴ Наличие в развалинах постройки предметов, возможно, принадлежавших представителям различных социальных слоёв и достатка, можно трактовать как косвенное свидетельство двухъярусности дома: внизу жил человек, занимавшийся сапожным и рыболовным промыслом,верху – зажиточный чиновник. При разрушении или сносе постройки предметы могли перемешаться. Однако разнохарактерность находок не имеет силы неопровержимого аргумента в пользу повышенной ярусности здания, как и состав находок в целом не может служить показателем этажности дома.

⁵ Г.В. Борисевич так же, как М.Г. Рабинович, рассматривал брёвна, оконтуривавшие сруб дома, в качестве различного вида завалинок [6. С. 148–149]. Однако не все исследователи относят дополнительные бревенчатые конструкции вокруг дома к завалинкам. Ю.П. Спегальский видел в них опоры галерей [7. С. 34–35]. А.А. Шенников, считая завалинки вредными для сруба в условиях влажного северного климата, дополнительные конструкции интерпретирует как обвязку для предотвращения расползания подсыпки под постройку [21. С. 80–85]. К ним присоединяется В.А. Лапшин, предполагая, что приём обноски основного сруба дополнительными брёвнами мог служить разным целям: для укрепления подсыпки, укрепления фундамента, как основание галереи [22. С. 173–176]. При раскопках усадьбы в Таре вокруг некоторых построек также встречены обвязки разной конструкции: срубленные «в обло», с подкладками, укрепленные колышками. Зазор между стеной дома и обвязкой заполнен глиной или фрагментами плаха и досок. Возможно, одни конструкции были обвязками фундаментных площадок, а другие укрепляли завалинки, которые окружают часть домов (в том числе двухэтажные!) в современной Таре.

⁶ «Ветчаный» (ветшаный, ветчатый) – ветхий, старый [24. С. 127]. В документе отмечено, что «все ветчано», т.е. ветхое. Ср. в этом же документе «горница ветчатая», т.е. срубная, брёвна которой связаны в венцы.

⁷ С.К. Богоявленский отмечал, что в очень редких случаях чердак строился из брёвен, но, вероятно, из некрупного леса, и привёл соответствующее описание: в Измайлове на съезде двора над сенями чердак бревенчатый, перегороденный надвое, в чердаке две лестницы вхожие, крыт драницей и скалой [25. С. 210].

⁸ Раскопки проводятся совместно с Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН (к.и.н. С.Ф. Татауров, к.и.н. С.С. Тихонов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123: Жилища древнего Новгорода. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–165.
2. Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 134–201.
3. Фараджева Н.Н. Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.: Фонд археологии, 1997. Т. 2: Славянский средневековый город. С. 401–410.
4. Борисевич Г.В. Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 269–294.
5. Хорошев А.С. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 239–268.
6. Древняя Русь: город, замок, село // Археология СССР. М.: Наука, 1985. 432 с.
7. Спегальский Ю.П. Жилища Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972. 273 с.
8. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии СА РАН, 1996. 152 с.
9. Соколова Н.Г. Городские усадебные постройки Прикамья XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 122–125.
10. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Л.: Гидрометеиздат, 1981. Ч. 1. 147 с.
11. Степанов С.В. Некоторые данные о псковском жилище XV–XIV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: Б/и, 1989. С. 5–8.
12. Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е. Археологическое изучение исторического центра города Перми XVIII – первой половины XIX в. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа, 1997. С. 80–84.
13. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. 140 с.
14. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. Ч. 2: Забайкалье. С. 33–47.
15. Краснов Ю.А., Каховский В.Я. Средневековые Чебоксары. М.: Наука, 1976. 192 с.
16. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. М.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 2. 164 с.
17. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Результаты археологических исследований городища Мангазеи в 2000–2003 годах // Научный вестник. Салехард, 2005. № 4 (35): Обдорск: история, культура, современность. С. 36–40.
18. Визгалов Г.П. Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири в XVII веке (по материалам новых исследований Мангазеи) // Русские: материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2004. С. 14–18.
19. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
20. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 156–244.
21. Шенников А.А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке. СПб., 1993.
22. Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

23. *Обдорский край и Мангазея в XVII веке : сб. документов.* Екатеринбург : Тезис, 2004. 200 с.
24. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М. : Наука, 1989. Вып. 15. 288 с.; 1990. Вып. 16. 295 с.
25. *Богоявленский С.К.* Научное наследие: О Москве XVII века. М. : Наука, 1980. 271 с.
26. *Засурцев П.И.* Постройки древнего Новгорода // МИА. 1959. № 65. С. 262–298.
27. *Колединский Л.В., Ткачев М.А.* Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига : Зинатне, 1983. С. 19–23.
28. *Милославский М.Г.* Техника деревянного зодчества на Руси в XVI–XVII вв. // Труды / Ин-т истории, естествознания и техники 1956. Т. 7. С. 44–111.
29. *Коваль В.Ю.* Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. М. : Ин-т археологии РАН, 2010. Вып. 6. С. 84–98.
30. *Воронин Н.Н.* Архитектурный памятник как исторический источник // СА. 1954. Т. 19.
31. *Раппопорт П.А.* О методике изучения древнерусского зодчества // Раппопорт П.А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. СПб. : Лики России, 2013. С. 47–60.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 марта 2014 г.

POSSIBILITIES OF HIGH WOODEN BUILDINGS RECONSTRUCTION IN ARCHAEOLOGY (A METHODOLOGICAL COMMENTARY)

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 133–139. DOI: 10.17223/15617793/382/22

Chernaya Mariya P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariakreml@mail.ru

Keywords: wooden architecture; criteria of storey number; reconstruction by archaeological data.

In the article the methodical bases of 3-dimensional architectural-archaeological reconstructions are considered on the example of a high wooden building in Russian architecture. To learn the number of storeys in an archaeological building it is necessary to find structural features that initially were attributes of the high building. The researchers name among those: 1) complex bases, 2) large sizes of constructions, 3) cut-in partitions, 4) porches and stairs. Nevertheless in historical reality three of the mentioned constructive elements were not obligatory indicators of the number of storeys in the wooden building. The main functions of the base were leveling and preservative-isolating, not bearing, for wooden walls weigh less than the stone ones. Large size and internal partitions as criteria of height must be examined together. Partitions cut into the bearing walls at all the height of the building (or just a part of it), also became bearing and increased the rigidity of the building, which is important for big buildings, especially, if they had several storeys. With all constructive rationality cut-in partitions were neither the only nor an obligatory way for erection of a large high building. The leading criteria of the storey number identification are a high porch to the upper floor and outer and/or inner stairs. However, in a ruined condition these obvious signs of height often lose their indisputability. To assert that a porch had a runduk (an upper landing of the covered porch or outer wooden stair, built on to a house) an archaeologist must have certainly indicative details, for instance, features of the construction of a front porch of the Voivode's house in Tomsk. The construction of its lower part in the technique of vertical zabirka (a construction made of vertical planks put in horizontal beams) certainly specifies that the porch was high. The pillars for the stair to the runduk of the porch and for the gallery-promenade on the second floor also prove that Tomsk Voivode's house had no less than two storeys. The analysis shows that reconstructions of high buildings by archaeological data are fundamentally possible and methodologically valid. The foundations for creation of 3-dimensional models of ruined objects are 1) signs initially inherent to high buildings such as high porches, stairs, pillars for galleries and balconies; 2) preservation of these attributes of height in the archaeological state. An archaeologist shall not limit oneself to disclosure and description of ruins, but aim to possibly completely restore the look of the destroyed construction that is formed by the unity of construction and technical techniques, architectural-compositional shape, and functional and sense content. This unity must be represented in an integral model, the creation of which is the aim and sense of the archaeological research of architectural objects.

REFERENCES

1. Zsurtsev P.I. Usad'by i postroyki drevnego Novgoroda [Dwellings of ancient Novgorod]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1963, no. 123, pp. 5–165.
2. Gromov G.G. *Zhilishche* [Dwelling]. In: *Ocherki russkoy kul'tury XVII veka* [Essays on Russian culture of the 17th century]. Moscow, 1979. Part 1, pp. 134–201.
3. Faradzheva N.N. [Formation and development of the building culture of ancient Novgorod]. *Trudy VI Mezhdunar. Kongressa slavyan. Arkheologii* [Proc. of the VI International Congress of Slavonic archeology]. Moscow: Fond arkheologii Publ., 1997. Vol. 2, pp. 401–410. (In Russian).
4. Borisevich G.V. *Khoromnoe zodchestvo Novgoroda* [Khoromy (mansion) architecture of Novgorod]. In: *Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda* [Novgorod Collection: 50 years of excavations in Novgorod]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 269–294.
5. Khoroshev A.S. *Novye materialy po arkheologii Nerevskogo kontsa* [New materials on the archeology of Nerevsky Konets]. In: *Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda* [Novgorod Collection: 50 years of excavations in Novgorod]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 239–268.
6. Kolchin B.A. (ed.) *Drevnyaya Rus': gorod, zamok, selo* [Old Rus: the city, the castle, the village]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 432 p.
7. Spegal'skiy Yu.P. *Zhilishcha Severo-Zapadnoy Rusi IX–XIII vv.* [Dwellings of the Northwest Rus of the 9th–13th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 273 p.
8. Alekseev A.N. *Pervye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii* [First Russian settlements of the 17th–18th centuries in northeastern Yakutia]. Novosibirsk: Institute of Archeology, SB RAS Publ., 1996. 152 p.
9. Sokolova N.G. *Gorodskie usadebnye postroyki Priam'ya XVII–XVIII vv.* [Urban manor buildings of the 17th–18th centuries in the Kama region]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Nal'chik; Omsk, 2001, pp. 122–125.
10. Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. *Mangazeya* [Mangazeya]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1981. 147 p.
11. Stepanov S.V. *Nekotorye dannye o pskovskom zhilishche XV–XIV vv.* [Some data on the dwellings of the 15th–14th centuries in Pskov]. In: *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Archaeology and History of Pskov and Pskov region]. Pskov, 1989, pp. 5–8.
12. Korchagin P.A., Mel'nichuk A.F., Sokolova N.E. *Arkheologicheskoe izuchenie istoricheskogo tsentra goroda Permi XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Archaeological study of the historical center of Perm in the 17th – first half of the 19th centuries]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk; Ufa, 1997, pp. 80–84.
13. Ashchepkov E.A. *Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoy Sibiri* [Russian folk architecture in Western Siberia]. Moscow: USSR Academy of Architecture Publ., 1950. 140 p.

14. Makovetskiy I.V. *Arkhitektura russkogo narodnogo Zabaykal'ya* [Russian folk architecture of Transbaikalia]. In: *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Life and Art of the Russian population in Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975. Part 2, pp. 33-47.
15. Krasnov Yu.A., Kakhovskiy V.Ya. *Srednevekovye Cheboksary* [Medieval Cheboksary]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 192 p.
16. Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. *Mangazeya* [Mangazeya]. Moscow: Gidrometeoizdat Publ., 1980. Part 2, 164 p.
17. Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy gorodishcha Mangazei v 2000–2003 godakh [Results of archaeological research of Mangazeya settlement in 2000–2003]. *Nauchnyy vestnik YaNAO*, 2005, no. 4 (35), pp. 36–40.
18. Vizgalov G.P. [Russian suburban housing construction in the north of Western Siberia in the 17th century (according to new research of Mangazeya)]. *Russkie: Materialy VII Sib. simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri"* [Russians. Proc. of VII Sib. Symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia"]. Tobol'sk: Omsk Pedagogical University Publ., 2004, pp. 14-18.
19. Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: new archaeological research (2001–2004 materials)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan Publ., 2008. 296 p.
20. Rabinovich M.G. *Russkoe zhilishche v XIII–XVII vv.* [A Russian house in the 13th–17th centuries]. In: *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [The ancient dwelling of peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka, 1975, pp. 156–244.
21. Shennikov A.A. *Dvor krest'yan Neudachki Petrova i Shestachki Andreeva. Kak byli ustroeny usad'by russkikh krest'yan v XVI veke* [The yard of peasants Neudachka Petrov and Shestachka Andreev. The arrangement of Russian peasant homesteads in the 16th century]. St. Petersburg, 1993.
22. Lapshin V.A. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.)* [Tver in the 13th–15th centuries (by 1993–1997 excavations)]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University Publ., 2009. 540 p.
23. *Obdorskiy kray i Mangazeya v XVII veke* [Obdora and Mangazeya in the 17th century]. Ekaterinburg: Tezis Publ., 2004. 200 p.
24. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1989. Issue 15. 288 p.; 1990. Issue 16. 295 p.
25. Bogoyavlenskiy S.K. *Nauchnoe nasledie: O Moskve XVII veka* [Scientific Heritage. On Moscow of the 17th century]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 271 p.
26. Zasurtsev P.I. Postroyki drevnego Novgoroda [Buildings of ancient Novgorod]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1959, no. 65, pp. 262–298.
27. Koledinskiy L.V., Tkachev M.A. *Stroitel'naya tekhnika i stroitel'nye materialy srednevekovogo Vitebska* [Construction equipment and building materials of medieval Vitebsk]. In: *Problemy izucheniya drevnego domostroitel'stva v VIII–XIV vv. v severo-zapadnoy chasti SSSR* [The study of ancient house construction in the 8th–14th centuries in the northwestern part of the USSR]. Riga: Zinatne Publ., 1983, pp. 19–23.
28. Miloslavskiy M.G. [Technique of wooden architecture in Rus in the 16th–17th centuries]. *Trudy Instituta istorii, estestvoznaniya i tekhniki* [Proc. of the Institute of History, Natural Sciences and Technology], 1956, vol. 7, pp. 44–111. (In Russian).
29. Koval' V.Yu. [On the archaeological interpretation of two-storeyed buildings in medieval Russia (critical notes)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of Podmoskovye. Proc. of the scientific seminar]. Moscow: Institute of Archaeology RAS Publ., 2010, Issue 6, pp. 84–98.
30. Voronin N.N. Arkhitekturnyy pamyatnik kak istoricheskiy istochnik [Landmark as a historical source]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1954, vol. XIX, pp. 41–76.
31. Rappoport P.A. *Arkhitektura srednevekovoy Rusi. Izbrannye stat'i* [Architecture of medieval Russia. Selected articles]. St. Petersburg: Liki Rossii, 2013, pp. 47–60.

Received: March 19, 2014